

УДК 81'42:82 – 96 Лосский

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ Н. О. ЛОССКОГО
Е. В. Евпак

N. O. LOSSKY'S PHILOSOPHIC TEXTS IN TERMS OF LINGUOPERSONOLOGY
E. V. Evpak

В статье рассматривается лингвоперсонологическая проблематика философских текстов известного русско-го эмигранта, философа Н. О. Лосского.

The article deals with the philosophic texts by the famous Russian emigre philosopher N. O. Lossky in terms of linguoperpersonology.

Ключевые слова: персонология, лингвоперсонология, философский текст, языковая личность.

Keywords: personology, linguoperpersonology, philosophic text, language personality.

В современной парадигме знаний на междисциплинарном уровне наметилась тенденция к углубленному изучению индивидуальных особенностей человека, которые, собственно, и дают неповторимый (уникальный) профиль индивида. Акценты смещаются к персонализму. По словам В. А. Сулимова, «одним из наиболее ярких проявлений персонологической революции конца XX – начала XXI вв. является формирование персонологических черт текстов культуры, становящихся новым самостоятельным (и = самостоятельным) интеллектуальным субъектом. В этом случае антропотекст (термин, предложенный Н. Д. Голевым) предстаёт перед нами не как реализация сообщения на каком-либо языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как трансформационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [21, с. 45 – 53].

Сказанное определило нашу главную цель – исследовать этот самостоятельный субъект в его лингвоперсонологическом ракурсе, сравнительно недавно получившем свою научную верификацию в лингвоперсонологической гипотезе языка: «имеется в виду прежде всего тот аспект, который создаётся разнообразием ментально-языковых типов личностей (как носителей языковой способности определённых качественных типов) и тем непрерывным спектром, который это разнообразие формирует» [8, с. 20]. В настоящей статье наш лингвоперсонологический интерес сфокусирован на философском наследии Н. О. Лосского, обращение к которому не случайно. Н. О. Лосский является одним из самых ярких представителей русской мысли в зарубежье. По мнению учёных, он по достоинству занял почётное место в истории русской философии и в истории мировой мысли. Его можно без сомнений причислить к личностям, сыгравшим ключевую роль в формировании славяно-русской философии XX в. [17, с. 66 – 79].

Лингвоперсонологическое означивание философского дискурса, согласно Эпштейну может быть определено «так называемыми знаками универсальных индивидуальностей», на что указывают их именные термины. «Эти именные термины, или терминованные имена, указывают на личные коды их создателей: не просто на индивидов в биографическом и историческом плане, но на выстроенные ими универсумы,

модели мироздания. "Шекспировское" или "толстовское" (или "Лосскианское") примечание наше. – Е. Е.) – это знаки универсальных индивидуальностей, или индивидуальных универсумов, и они-то представляются решающим связующим звеном между личными именами и общими терминами, которыми оперируют гуманитарные науки (философия, филология, психология, история, культурология, искусствознание)» [23, с. 10 – 11].

О роли личности в русском философском тексте начинают говорить уже в начале XX века: «Начиная с Шопенгауэра, мы стали замечать в философе ещё поэта... цельную личность вместо хорошо отпечатанной, переплетённой и поставленной на полку книги" (Розанов)» [1, с. 28]. В высказываниях отечественных философов оформилось также мнение, согласно которому философия есть творчество: «Философствование, как... творческая жизнь души» (Ильин). Здесь мы говорим о сближении философских текстов с художественными на основе эстетической функции. Философами неоднократно высказывалась идея красоты мысли, эстетики мысли, кроме того, эстетическая функция в философском дискурсе способна соотноситься с онтологией абстракции и целостности мысли и текста. Уместно здесь суждение С. Франка, что «наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в литературных формах» [1, с. 22]. Русские философы, одновременно с освоением философии в европейских университетах, учились и в «школе русской литературы», причём это выражалось не только в освоении художественных текстов, но и в появлении целого ряда работ, посвящённых Пушкину, Толстому, Достоевскому, благодаря которым появились «персонотексты» [7, с. 212] отдельных философов. Так, характер разрешения этических и сотериологических проблем в учении Лосского позволяет видеть в нем продолжателя той линии русской мысли, которая проходит и через творчество Ф. М. Достоевского. Не случайно именно Лосскому, как нам кажется, лучше многих других известных философов-интерпретаторов творчества великого писателя удалось разглядеть основу его религиозного мировидения. Лосский был тем, кто одним из первых заговорил о признании Достоевским обожения конечной целью жизни человека и мира. Он понял, что писатель пророчески угадал направление истории: «Позитивизм, научная философия, материа-

лизм, отрицая идею трансцендентного Царства Божия, неизбежно ведут по пути все возрастающего снижения идеала» [13, с. 97]. Трагедию своего времени философ воспринял как начало исполнения этого пророчества Достоевского. Можно, не преувеличивая, сказать, что этика Абсолюта рождается из опыта осознания художественного творчества Достоевского, да и само православие часто понимается Лосским через призму его идей [6, с. 140 – 158].

Философский текст берёт своё начало в синкретической словесности. Есть мнение, что «жанр философской поэмы в гексаметрах гомеровского типа древнее философских сочинений в прозе, можно сказать, что при рождении своём философия начала говорить стихами». А. Ф. Лосев утверждает, что «досократовские мыслители вообще были полуфилософами, полупоэтами». Доказывалось также, что вся досократовская философия есть просто отдел лирики. Следует отметить, что данная традиция обращает на себя внимание и в последующих трудах философов. Грановская считает основным свойством русского философского языка поэтизированность, понимаемую как метафорику [5, с. 31]. Философский текст способен заимствовать ключевые метафоры из языка культуры и переосмыслить их. Речь идёт о так называемой «органической метафоре». Органическая метафора, по мнению специалистов, представляет собой основную культурную метафору первой половины XX века и находит многообразное отражение в языке и приобретает тем самым лингвоперсонологический акцент, например: в метафоре «всеединство – организм» («единство органического тела» у Соловьёва; «мир – организм» («Мир как органическое целое» Лосского). Согласно Евтушенко, метафоричность свойственна философскому тексту в той же мере, что и общенациональному языку, и должна рассматриваться на общеязыковом уровне. Когнитивный аспект метафоры, хотя он может быть раскрыт в том числе на примере философского текста, представляет собой общеязыковую проблему [5, с. 32]. Лингвоперсонологический акцент присущ переводным философским текстам, «когда возникает вопрос о шкале свободы языкового знака» [18, с. 15] и «подобно тому: почему по одному тексту дети пишут разные изложения, а по одной картине – разные сочинения» [9, с. 12 – 13]. Это, по мнению Н. Азаровой, «обуславливает конгениальный характер лучших переводов и позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных философских текстов на русском языке. Проблемы перевода ставятся философами как в историческом аспекте, то есть в связи с формированием русского философского языка и его влиянием на общенациональный язык, так и в связи с прямым или косвенным определением статуса переводного философского текста» [1, с. 37]. Известно, что Лосский активно занимался переводческой деятельностью. Он перевёл книги Ф. Паульсена «Иммануил Кант, его жизнь и учение», И. Ремке «Очерк истории философии», объёмистые тома К. Фишера о Канте, Шеллинге, Гегеле. Эта деятельность привела его к переводу «Критики чистого разума» Канта. «Труд этот, – вспоминает Лосский, – я предпринял не ради уже заработка и не по заказу какого-либо издательства, а по собственной инициативе.

Я считал, что существенным условием для преодоления критицизма должно быть знание и точное понимание "Критики чистого разума", книги, написанной тяжёлым языком и потому малодоступной широким кругам общества" [11, с. 135]. К этому времени на русском языке было уже два перевода «Критики чистого разума», сделанные М. И. Владиславлевым (1867 г.) и Н. М. Соколовым (1896 – 1897 гг.). Оба содержали немало ошибок, искажений и не отличались литературными достоинствами. Прекрасное чувство языка, глубокое понимание кантовской философии, учёт опыта переводов «Критики» на другие языки позволили Лосскому сделать перевод труда великого мыслителя, которым мы пользуемся и по сей день [22, с. 22].

Н. О. Лосский раскрыл основы теории познания в свете оригинальной интуитивистской философии. Своё учение он обосновал в работах «Обоснование интуитивизма» и «Мир как органическое целое», «Популярность интуитивизма». Е. П. Борзова пишет: «Теорию познания можно найти у каждого известного философа, но никто из них не основал свою теорию на интуиции в том смысле, в каком понимал этот термин Лосский» [3, с. 27]. Претендуя своей философской концепцией на высшее достижение мировой мысли и своеобразие, вводит новые термины, категории. При объяснении процесса познания он, «по своему», определяет семантическую составляющую базисных классических философских категорий «субъект», «объект», «субстанция». Ведь «для философа характерно стремление наполнить существующий термин новым содержанием, а не заменить термин на другой..., заново определить даже известные философские термины...» [1, с. 48 – 50]. Н. О. Лосский вводит новые понятия, актуальные для понимания его философии: «субстанциональный деятель», «гносеологическая координация», «конкретно-идеальное бытие» [10; 5, с. 52]. «Конкретно-идеальное бытие как творческий источник и носитель своих проявлений может быть обозначено термином «субстанция», или субъект; для большей наглядности и конкретности я буду обозначать его термином «субстанциональный деятель» [14, с. 36]. И далее: «Субстанциональные деятели психо-материального царства, будучи эгоистически сосредоточены на себе, на низших ступенях своего развития так обособлены друг от друга, как свободные электроны или протоны, несущиеся в пространстве. В этом состоянии жизнь их крайне обеднена и однообразна. Выход из этой скудности жизни достигается путём образования несколькими деятелями союзов, становящихся по мере развития деятелей все более сложными: протоны и электроны, сочетаясь, образуют атом, из атомов возникают молекулы, кристаллы и т. п., далее – одноклеточные организмы, многоклеточные организмы и т. д. Во главе каждого такого союза стоит субстанциональный деятель, сравнительно более высоко развитый, чем присоединившиеся к нему деятели; он способен организовать подчинившихся ему деятелей и управлять ими, как своими органами, так, чтобы совместная жизнь их была более сложной и более содержательной, чем тогда, когда они действуют в одиночку. Совокупность деятелей, подчинившихся более высокому деятелю,

можно назвать телом его. Надобно заметить, впрочем, что словом «тело» приходится обозначать, кроме того, и совершенно другое понятие, именно систему пространственных проявлений, производимых главным деятелем в сотрудничестве с подчинёнными ему» [14, с. 202]. «Гносеологическая координация» – понятие, заимствованное Лосским у имманентной философии, но играющее в его метафизике другую роль, а потому получающее несколько иной смысл. Специально это понятие Лосский разъясняет в статье «Интуитивизм и современный реализм», помещённой в «Сборнике статей, посвящённых П. Б. Струве» (Прага, 1925) [4, с. 219]. Обращает на себя внимание термин Н. О. Лосского «всеприсутствие» («действительное всеприсутствие Божие»), который, так же, как термины «всеприсутствие», «вселенскость» восходит к авторскому термину В. Соловьёва «всеединство» [1, с. 66]. Как отмечает Грановская, «русская философская литература за рубежом ввела в научный обиход западной науки ряд переинтерпретированных понятий (эйдос, имморализм, почвеничество, провиденциализм, плюрализм, пантеизм, интуитивизм)» [5, с. 68].

По словам А. А. Овчарова, Лосский определяет интуитивизм как учение о том, как познаваемый предмет вступает в познающее сознание в подлиннике самолично и потому познается так, как он существует независимо от акта познания [19, с. 232]. Русская философия создала свое оригинальное учение о софиологии, не принадлежавшее ни к одной из известных нам философских систем. Русские философы писали об особом софийном чувстве – даре непосредственного, глубокого понимания и переживания извечной, непреходящей красоты мира, её ценности, таящейся в самых обыденных вещах при внешней их скудости и невыразительности. Идея Софии-Мудрости получает в русской философии не только отвлечённо-теоретическое, но и образно-символическое воплощение истины блага, красоты, вечной женственности. «Идеальное единство деятельности, – писал Н. Лосский, – достигается путём искусства жизни, преображающего мир и создающего мир в красоте. Такое действенное искусство Вл. Соловьёв неправильно назвал теургиею, т. е. богодейством. В действительности оно есть сочетание теургии и софиургии, т. е. совместное действие нисхождения человека к Богу» [5, с. 70]. Н. О. Лосскому принадлежат такие лингвоперсонологические маркеры, как концептуализация местоимений: «Хорошо известный каждому из нас путём непосредственного наблюдения пример субстанционального деятеля-субъекта, творящего реальное бытие, есть наше "я". Каждое моё чувство, хотение и поступок принадлежит к сфере реального», т. е. временного бытия, и потому резко отличается от моего "я"... Тем не менее чувства, хотения, поступки теснейшим образом связаны с "я", они суть его проявления, его переживания: когда "я" творит их, они не просто существуют, а существуют для "я", как то, в чём "я" живёт и в чём "я" обладает длясебябытием» [16, с. 36]. На философское осмысление и интерпретацию семантики дейктических слов указывает Л. М. Грановская: «Показательно и естественным образом предопределено интересом к философскому и

социологическому аспектам языковедения рассмотренные местоимения, – "парадоксального" грамматического класса слов, способных выразить невыразимое в слове-идее, "передавать мистический жест, онтологические точки касания"» (С. Франк) [5, с. 66]. Подобный маркер Н. О. Лосского мы находим, например, в заглавии: один из разделов философского труда Н. О. Лосского обозначен как «Длясебябытие субстанционального деятеля» [15, с. 858]. О знаковой функции местоимений говорит Лосский применительно к работе С. Н. Булгакова: «С. Н. Булгаков отметил глубокое различие в употреблении местоимения "ничто" и в смысле невозможности определения сущности явления и состояния, которое ещё не обнаружено» [12, с. 235]. При этом термин, ограничивая мысль философским полем, не теряет связь с понятийностью общенационального языка. А философский текст в этой связи «подразумевает не специальную область, даже понятую расширительно (в своём философском значении – авторск.), а некоторое пространство, в котором рождается мысль, некоторое событие мысли, некоторый расклад наименований истины, что не объектно и не тематизируется» [12, с. 47]. Вместе с тем философский аспект накладывает свой отпечаток на общее впечатление «словесности» текстов. Добавим также, что «данное свойство языка рождается за пределами самого языка, оно происходит от употребляющих язык людей, высказывающихся в определённой ситуации (ситуации иномадальности, ирреальности. – отмечено нами). И потому речь состоит не только из того, что она сама собой говорит, но также и из актуализации этой возможности высказать что-то, из сознания смысла всей ситуации... Точный смысл любого слова всегда определяется теми обстоятельствами, той ситуацией, в которых они были произнесены. Таким образом, словарное значение каждого слова не более, чем остов его подлинных значений, которые во всяком употреблении бывают в какой-то мере разными и новыми, облекая данный костяк живой плотью конкретного смысла в быстро-текущем и постоянно изменчивом потоке речи» [20, с. 669]. «Мы с полным правом можем утверждать: суть речи как раз и заключается в постоянном нарушении грамматических правил и словарных норм. В строго формальном смысле "быть хорошим писателем", другими словами, иметь собственный стиль, – значит производить постоянные и частные вторжения в лексику и грамматику» [20]. Всё сказанное, как нам видится, включается в лингвоперсонологию, когда языковая личность вступает в акт «непрерывной оригинальности», в той ситуации, когда «недопустимо говорить о господстве языка над человеком» [2, с. 13].

Итак, всё возрастающее значение лингвистической рефлексии связано не только с чисто языковедческими интересами, но и с её важной ролью в исследованиях других направлений гуманитарных наук. Именно это обстоятельство налагает особую ответственность на лингвистов, представляющих вместе с другими гуманитариями ведущее звено в подобного рода исследованиях.

Литература

1. Азарова, Н. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века / Н. Азарова. – М.: ГНОЗИС/ЛОГОС, 2010. – 228 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Борзова, Е. П. Николай Онуфриевич Лосский: философские искания / Е. П. Борзова. – СПб.: СПбКО, 2008. – 132 с.
4. Гайдено, П. П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века / П. П. Гайдено. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.
5. Грановская, Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны / Л. М. Грановская. – М.: ИРЯЗ, 1995. – 176 с.
6. Евпак, Е. В. Этика Абсолюта Н. Лосского и духовный опыт Ф. Достоевского / Е. В. Евпак, О. В. Пичугина // *Tragédia doby, človeka, literatury. Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta.* – Nitra, 2011.
7. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. – Томск: ТГПУ, 2009. – 312 с.
8. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева и др. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.
9. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / Н. Д. Голев [и др.]; под ред. Н. В. Мельник. – Кемерово, 2009. – 384 с.
10. Лосский, Н. О. Общедоступное введение в философию / Н. О. Лосский. – Посев, 1956.
11. Лосский, Н. О. Воспитания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. – Munchen, 1968.
12. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М., 1991. – 514 с.
13. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло / Н. О. Лосский. – М., 1994.
14. Лосский, Н. О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 416 с.
15. Лосский, Н. Ценность и бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей / Н. Лосский. – Харьков: Фолио; М.: Аст, 2000. – 864 с.
16. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Сварог и К, 2000.
17. Матейко, Л. Н. О. Лосский в тени словацкой науки / Л. Матейко // Мифы-стереотипы-образы. Восприятие России в Словакии. SDK SVE Pro Historia. Институт истории Словацкой академии наук. – Братислава; Йошкар-Ола, 2010.
18. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник. – Кемерово, 2010. – 212 с.
19. Овчаров, А. А. Прологомены к идеал-реалистической теории интуиции: монография / А. А. Овчаров. – Кемерово, 2010. – 232 с.
20. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды: пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2000. – 704 с.
21. Сулимов, В. А. Персона как вызов / В. А. Сулимов // Философские науки. – 2009. – № 12.
22. Филатов, В. П. Жизнь и философская система Н. О. Лосского / В. П. Филатов // Н. О. Лосский. Избранное. – М.: Правда, 1991. – 622 с.
23. Эпштейн, Н. Homo scriptor: введение в скрипторику как антропологию письма / Н. Эпштейн // Философские науки. – 2008. – № 8.

Информация об авторе:

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, jevpak.72@mail.ru.

Evpak Evgeny Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.